

KBAZM

Глава первая

ДОЗНАНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Симпатичный был двор, чистенький и ухоженный. Новенькая детская площадка с мягким покрытием под горками и качелями, клумбы с обилием цветов, декоративный прудик, скамейки под старыми зелёными деревьями, в углу двора оборудовано место для курения: пластиковая будка, закрытая с трёх сторон от ветра. Неужели жильцы и впрямь ходят туда курить, с балконов и подъездов? Особенно зимой? Да не поверю!

Но по всему выходило — жить в доме с таким двором должны хорошие, весёлые люди. На площадке с качелями должна звонко галдеть детвора, на лавочках судачить о своём, вечном, старики, а посреди двора сидеть, умываясь, толстая рыжая кошка.

Ладно, не обязательно рыжая. Пусть будет чёрная.

— Звук был нехороший, — сказала консьержка.

— Нехороший — это какой? — уточнил я. — «Уэ-уэ-ээ?»

Консьержка вздрогнула. Невысокая, крепко сбита — такие не склонны к пустым истерикам. Да и возраста ей было за сорок, и, судя по всему, она много чего повидала.

— Нет, не настолько нехороший, — сказала она. — Бум!

— Бум? — Я посмотрел на неё с иронией.

Консьержка надула щеки и выдохнула:

— Пух!

Это и впрямь немного походило на выстрел.

— Откуда слышали? — спросил я.

— Из окна донеслось. — Консьержка показала вверх, на балкон третьего этажа. Балконная дверь была открыта. — Я тут, у ограды... — Она замялась.

— Курили, — кивнул я.

— Нам нельзя далеко от подъезда отходить, — стала оправдываться консьержка. — Я тут стояла, тихо было, и вдруг — «пух»! Я поднялась. Это профессора квартира...

Что-то у неё дрогнуло в лице при этих словах. Ничего криминального, пожалуй. Либо интрижка, но вряд ли «профессор» будет крутить роман с немолодой и некрасивой прислугой. Либо просто неприязнь. К профессору? Нет... но как-то с ним связано...

Ладно, отложим на потом.

— Не открывает?

Консьержка замотала головой:

— Не открывает! А он на работу не уходил. Жена... ушла с утра, а он остался.

Ага. Понятно. Жену профессора она не любит. Что ж, это бывает.

— Жена ушла до «бум-пух»? — спросил я.

— До, — с явным сожалением признала консьержка.

— И кто там с ним ещё остался?

— Никого.

Версия у меня уже вырисовывалась. Очень неприятная версия.

— Итак... подозрительный звук вы услышали... — я посмотрел на часы, — сорок семь минут назад.

— Много, — вздохнула консьержка.

— Виктор Аристархович? — уточнил я.

— Виктор Аристархович, — кивнула консьержка, и лицо у неё стало совсем уж страдающим. — Квартира двадцать четыре.

Похоже, у консьержки уже сложилось своё мнение о произошедшем. А я привык доверять мнению таких женщин, что ещё в лес за грибами-ягодами ездили.

— Будьте внизу, — сказал я. — И если что... позвоните.

Она кивнула и спросила:

— Может, дворника позвать?

— Позовите, — разрешил я, вошёл в подъезд и стал подниматься по лестнице. Этаж невысокий, обойдёмся без лифта, зато проверим обстановку.

Подъезд был хороший, как и дом. Все чисто, на подоконниках цветы, никакой грязи, никаких окурков и граффити на стенах. Живут приличные люди, и детей хорошо воспитывают... хотя нет, вот одна, пусть и покрашенная, но проступающая надпись на стене: «Квази — МРАЗИ!»

С содержанием я был согласен, но все-таки портить стены нехорошо.

Дверь двадцать четвертой квартиры тоже была приятной. Металлическая, конечно, но облицованная снаружи деревянным шпоном. Два замка. Глазок. Все как положено.

Если честно, то у меня уже было достаточно информации, чтобы вызвать команду зачистки. Но то, что случится после её приезда, меня не устраивало.

Я снял с пояса рацию.

— Денис Симонов, дознаватель смертных дел. Нахожусь на вызове, адрес — Последний переулок, дом два, двадцать четвертая квартира. Мне кажется, что я слышу слабые стоны и призывы о помощи! — громко сообщил я, прижав тангенту. — Принимаю меры по проникновению в квартиру.

Прежде чем опомнившийся диспетчер успел что-то сказать, я вернул рацию на пояс и достал пистолет.

Нет ничего нелепее, чем пытаться выбить пулей замок. Результатом может стать то, что дверь намертво заклинит. Или то, что пуля от ricochet тебе в голову. Но выбора у меня... выбора у меня...

Я секунду всматривался в дверь. Потом толкнул её стволом.

Дверь плавно открылась. Она была не заперта, просто аккуратно притворена.

Повезло. Очень интеллигентный был человек Виктор Аристархович. Оставить дверь открытой, когда собираешься застрелиться, — это очень, очень культурный поступок.

— Виктор Аристархович! — на всякий случай крикнул я в полутёмную квартиру. — У вас дверь открыта! Можно войти?

Тишина.

Да, видимо, консьержка все правильно услышала, а моя догадка верна.

Я вошёл, держа пистолет перед собой. Налево... направо... в прихожей чисто. Кстати, на самом деле очень чисто, все на своих местах. То ли жена у профессора чистюля, то ли хорошая домработница. Ставлю на домработницу.

Из прихожей вело несколько дверей.

Одна в туалет. Чисто.

Другая по коридорчику в кухню. Тоже чисто, только пахнет горелым кофе. Электрическая плита была хорошей, отключилась сама, но кофейник потемнел и пластиковая ручка слегка оплавилась.

Ну, теперь-то уж никаких сомнений.

Из кухни шла вторая дверь — в гостиную. Я осторожно заглянул туда. Шторы задёрнуты, полумрак.

Но — чисто.

Поворачиваясь налево-направо и прислушиваясь, я двинулся через гостиную. Беззвучно работал телевизор на новостном канале. Дверь в коридор, ещё один туалет (чисто), дверь в спальню — чисто. Маленький холл, оттуда дверь в прихожую и ещё две двери. Какая затейливая планировка, можно кругами бегать, в казаки-разбойники играть. Ненавижу такие квартиры.

Дверь... Ещё одна спальня. Детская? Нет, взрослая. Супруги предпочитали ночевать в разных спальнях? Тоже мне, аристократы хреновы...

Ну и последняя дверь...

Ещё не открыв её, я почувствовал запах — слабый смешанный запах пороха, крови и чего-то остро-пряного. Очень хорошо знакомый мне запах.

Я перебрал пистолет в левую руку, правой вытащил из ножен мачете. И толкнул дверь ногой.

Тут было посветлее, зато кровью и дерьмом воняло чудовищно.

Профессор Виктор Аристархович стоял у раскрытой двери на балкон, рядом с внушительным, но опрокинутым креслом, слегка пошатываясь и подёргивая склонённой на плечо головой. У всех у них головы поначалу держатся неустойчиво, что прямо-таки намекает и провоцирует. Одет профессор был простецки — старые мятые штаны и синяя клетчатая рубашка, на спине порванная и тёмная от крови. При моём появлении профессор начал медленно поворачиваться.

— Что ж ты в сердце себе стрелял, дурик, — приближаясь к нему, сказал я. — В башку надо было. И мне работы меньше, и сам бы не мучился.

Профессор, конечно же, не ответил. Если он и мучился, то сейчас никаких эмоций на бледном сером лице не осталось. Ну, кроме голода, конечно. Запавшие мутные глаза сфокусировались на мне, окровавленный рот жадно оскалится. Я почему-то представлял Виктора Аристарховича пожилым, но он умер совсем молодым, не больше сорока. Увидев меня, профессор негромко застонал: «Уэ-э-ээу» — и попытался пройти прямо сквозь стол. Стол был крепкий, массивный, с кожаной столешницей и тяжеленными тумбами по бокам. Разумеется, профессор пройти не смог, но продолжал упорно топтаться на месте, протянув ко мне руки.

Поначалу они тупы как дерево.

— Ничего не поделаешь, ты на меня напал, я вынужден был защищаться, — сообщил я, поднимая пистолет. Что-то меня тревожило. Что-то здесь не так...

— Ууу-эээ! — тоскливо взвыл профессор, будто его мёртвый мозг был способен сообразить, что приближает-

ся настоящая и окончательная смерть. Окровавленный рот раскрылся ещё шире.

Окровавленный!

Я рванулся влево, разворачиваясь и гадая, что в меня сейчас вцепится — пальцы или зубы.

Но пока все было в порядке.

Второй действительно оказался тут. Пожёванный, истерзанный, окровавленный мужчина лет тридцати, мой ровесник. Горло у него было перегрызено, рубашка порвана и живот поеден. Мужчина ворочался в луже темной крови, сучил ногами, елозил по скользкому паркету руками и неотрывно следил за мной. Потом его рот с томительной неизбежностью открылся, и мужчина провыл:

— Эу-эу-уэ!

Вовремя я вошёл. Он только собирался вставать. Так что же получается — профессор был не один... выстрел пришёлся ему в сердце... а вот и пистолет на полу, в крови.

Какая-то ерунда получается.

Убийца застрелил профессора и стал дожидаться, пока тот восстанет и загрызёт его?

Кажется, случалось когда-то где-то что-то подобное на почве страсти.

— Теперь уж совсем без вариантов, — сообщил я профессору, подходя ближе к столу. Виктор Аристархович засуетился, опустил одну руку и принялся скрести ею о столешницу, будто подгребая ко мне.

Я размахнулся и одним ударом мачете снёс ему голову.

Повернулся и направился к мужчине, уже вставшему на четвереньки. Очень удобно, если честно.

— У-у-э? — протянул мужчина.

Я примерился и отрубил голову и ему.

Вот и все.

Мир стал чище.

Хотя уборку в кабинете придётся делать капитальную. Хорошо, что ковров нет.

Я спрятал пистолет и снова взял рацию — она уже вторую минуту вибрировала на поясе.

И услышал шорох за спиной.

Их тут что, трое было?

От растерянности я словно затормозил, повернулся плавно и неспешно.

В балконных дверях стоял, разглядывая učinённое мной побоище, грузный немолодой мужчина в мятом старомодном костюме. Вначале, глядя против света, я принял его за человека.

А потом увидел голубовато-серую кожу.

Это был квази. Это был чёртов квази!

Мгновение мы смотрели друг на друга.

Потом все понеслось очень быстро, как оно и бывает в таких случаях.

Я выпустил рацию и схватился за рукоять пистолета. Квази перепрыгнул через стол, одной рукой схватил меня за запястье правой руки, с мачете, другой рукой — за левое запястье, не давая вытащить пистолет. Мы молча боролись, он был силён, как и положено их породе, но я был слишком зол и напуган, чтобы уступить.

Головой я изо всей силы ударил его в лицо, одновременно коленом — в пах. Квази отпрянул, долю секунды колебался, а потом бросился к балконной двери. Я, упав на одно колено, выпустил две пули ему в спину, но, нажимая на спуск, уже понимал, что промажу.

А квази, не оборачиваясь, перемахнул через перила и полетел вниз.

Когда я выскочил на балкон, квази как раз выбежал со двора. Его грузная фигура мелькнула и исчезла за углом соседнего дома.

Мне хватило ума не стрелять. Ну и, конечно же, не прыгать. Я не квази, чтобы шутя сигать с десятиметровой высоты...

Я посмотрел вниз — там ли консьержка. Но её у подъезда не оказалось.

Проклятье!

— Гражданин следователь! — донеслось от дверей квартиры. — Гражданин следователь, у вас всё в порядке?

— Я не следователь, я дознаватель! — пряча пистолет в кобуру, откликнулся я. — Всё в порядке.

Вернувшись к тому месту, откуда я стрелял в квази, я прикинул угол. Все было в порядке, пули ушли в небо, а не улетели в окна соседних домов. Благослови, Господи, низкую застройку в центре и вколотенные в подкорку рефлексы.

— Виктор Аристархович... — тоскливо воскликнула консьержка, оказавшись в дверях кабинета. — Ах, Виктор Аристархович, как же вы так! Зачем же вы так...

Я покосился на неё и решил, что она совершенно искренна. За её спиной маячил дворник — молодой таджик с лопатой в руках. Лопата была штыковая, хорошо наточенная, и я кивнул таджику с одобрением.

— Вы не видели этого, второго? — Я катнул голову носком ботинка.

— Нет! — Консьержка замотала головой. — Нет, нет! Он не входил! Вот как супруга профессора вышла, я всё время на месте была. Никто не входил!

— У вас же есть камера в подъезде? — уточнил я. — Не волнуйтесь, посмотрим, как и что...

— Я его видел, — сказал таджик, сглатывая. Русский язык у него был чистый, видимо, вырос парень уже в Москве. — Он рано-рано через двор проходил, я мусорные баки вывозил.

Я снова посмотрел на консьержку.

— Я с семи на смену заступила, — поспешно сказала она. — А ночью сегодня не было сменщицы, но дверь подъезда закрыта, разве что впустил кто из жильцов...

— Вас никто ни в чём не обвиняет, — сказал я. — Разберёмся. А пока покиньте место происшествия.

Только после того как консьержка и дворник, все ещё нёсший лопату наперевес, вышли, я позволил себе снова взять рацию.

* * *

Полицейский участок у нас маленький, потому что мы расположены в центре. Конечно, тут тоже живут люди, да и офисов-магазинов вокруг полно. Но всё-таки с окраинными спальными районами не сравнить. Работы меньше, персонала, соответственно, тоже. Да и те, кто есть, занимаются большей частью ворами и мошенниками.

Зато дознаватель по смертным делам один.

Это я.

— Денис, ты понимаешь, что ты у нас единственный дознаватель по смертным делам? А?

Я посмотрел на начальника участка и кивнул:

— Да, Амина Идрисовна. Я понимаю.

Если начальник полицейского участка женщина — это уже плохо. Если это женщина восточная — совсем ужасно. Не потому, что женщина или восточная женщина чем-то уступает мужчине на такой работе. Нет, не уступает. Но чтобы доказать всем и вся, что ты можешь командовать несколькими десятками суровых мужиков, женщине (а тем более восточной женщине) приходится долго и старательно всем доказывать, что у неё тоже есть яйца, причём стальные и весом в пуд. А к тому моменту, когда ни у кого вокруг нет в этом и тени сомнений, жёсткость становится привычкой и образом жизни.

— Так какого хрена у тебя, капитан, из двадцати выездов на смертные случаи — тринадцать обезглавленных трупов?

— Это опасная работа, Амина Идрисовна, — очень неудачно сказал я.

— Ах, опасная? — с подозрительным сочувствием воскликнула подполковник Даулетдинова. — Да что ты говоришь? Очень страшно было, да?

Красивая ведь тётка, в самом соку ещё. Муж есть. Трое детей — когда родить-то успела? Интересно, дома тоже